

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Михаил Голубков

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

**ОТ РЕАЛИЗМА
К МОДЕРНИЗМУ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Г62

Издание рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Зыкова Г.В. (МГУ имени М.В. Ломоносова);

доктор филологических наук, профессор Желтова Н.Ю. (Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина)

Серия «Мои Университеты»

Дизайн обложки *Алексея Родюшкина*

Голубков, Михаил Михайлович

Г62 Литературный процесс: от реализма к модернизму / Михаил Михайлович Голубков. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Мои Университеты).

ISBN 978-5-17-181050-4

Книга рассказывает о развитии русской литературы на протяжении XX века и об изменениях, которые произошли с ней в XXI. Михаил Михайлович Голубков, доктор филологических наук, профессор на кафедре новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ имени М.В. Ломоносова, подробно разбирает знаковые произведения XX века и творчество писателей, которые внесли большой вклад в эволюцию литературы, а также рассматривает, из чего складывается репутация писателя и как изменились отношения между литературой и властью после перестройки и распада СССР.

Издание содержит авторский лекционный курс М.М. Голубкова и будет полезно любому человеку, который интересуется современной русской литературой и литературой советского периода, и особенно пригодится абитуриентам, собирающимся поступать на филологический факультет или в Литературный институт имени А.М. Горького.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-181050-4

© Голубков М.М., 2026
© ООО Издательство АСТ, 2026

СЛОВЕСНОСТЬ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В XXI ВЕКЕ

Эта книга посвящена русской литературе XX — начала XXI века. В ее задачу входят размышления о закономерностях развития новейшей литературы, о том, как соотносятся внутренние закономерности литературного развития и внешние по отношению к ней обстоятельства, политические или социокультурные, связанные, в первую очередь, с изменениями в системе «писатель — читатель — издатель — критик».

В какой-то момент мы перейдем к скрупулезному монографическому анализу некоторых произведений, поговорим о писательских репутациях, часто несправедливых, сформированных безжалостными критиками. Но все же наша главная задача состоит в том, чтобы поразмышлять о функциях литературы, о ее роли в национальной жизни. Иными словами, попытаться дать ответ на не такой уж и простой вопрос: зачем нужна русская литература?

Современная действительность, декларирующая успешность, культ делового преуспевания, финансовую состоятельность и конкурентоспособность в качестве важнейших жизненных ценностей, отчасти попирает глубинные, выработанные веками национальной жизни и быта принципы отношений, когда культ личного успеха просто не мог доминировать в общественном сознании, когда слово и честность априори были значительно важнее финансовой состоятельности и определяли ценность личности, когда чистоплотность превалировала над нечистоплотностью и существовало понятие «нерукопожатности», «нерукопожатного человека», когда честь ценилась значительно выше собственной жизни.

Но возникает вопрос: если эти черты, некогда укорененные в национальной ментальности, безвозвратно канули, откуда мы можем знать об их былом существовании и как мы можем о них судить? Что это за мифология прежней прекрасной жизни, противопоставленная нынешним обстоятельствам?

Мы можем судить об этом по литературе. Именно литература доносит до нас через десятилетия и века нормы национальной жизни. Именно она создает представления о долж-

ном и недолжном, о той самой нерукопожатности (слово, давно ставшее историзмом). Литература формирует наши взгляды на исторические события и на людей, участвовавших в них; рассказывает о том, как они мыслили себя, как ощущали в пространстве русской истории, что двигало ими, заставляя вершить историю, совершать поступки, действовать вопреки интересам личного преуспеяния. От Льва Толстого мы знаем о войне 1812 года, от Грибоедова — о мироощущении декабриста накануне выхода на Сенатскую площадь, от Алексея Толстого — о преобразованиях Петровской эпохи, от Достоевского — о том, как чувствует себя человек в период ускоренного развития капитализма. В этом смысле герои «Преступления и наказания» выглядят едва ли не нашими современниками, особенно если вспомнить «теорию целых кафтанов» Лужина и мысль героя о том, «что все в мире на личном интересе основано». Под нее подводится целая научная концепция. Достоевский показывает, к чему приводит подобная идеология и человека, и общество, ступившее на сей путь. Вот только наши современники далеко не всегда могут прочесть и понять роман, написанный более чем полтора века назад. А кажется, что сегодня и о нашем времени.

Литература есть сфера передачи национального опыта от поколения к поколению. Современный человек еще опознает цитаты, которыми с иронией обмениваются начитанные люди: «Друг мой Аркадий, не говори красиво!», «Шел в комнату — попал в другую», «Собрать все книги бы да сжечь», «Аннушка разлила масло», «Доживите до старости с чистыми руками». Литература является сферой сохранения и накопления культурных кодов предшествующих эпох, передающихся по вертикали десятилетий и столетий национальной жизни — таких, например, как созданные литературой XX века: Шариков, «рукописи не горят», «А был ли мальчик?», «белые одежды», «манкурт», «Красное Колесо», «Раковый корпус», «апофигей», «демгородок», «норма», «мясная машина», «generation P»...

Литература является носителем своеобразного генетического кода, без которого человек и общество теряют преемственные связи по вертикали времени. Через литературу человек получает накопленный столетиями опыт национальной жизни, частного поведения, манеры чувствовать и думать. И счи-

тать, что этот опыт архаичен и неприменим в современных условиях (можно сослаться на глобализацию), значит отказаться от принадлежности к собственной национальной культуре.

И в самом деле: почему этот опыт неприменим? Потому что не нужен для работы в нефтяной компании? В какой-либо транснациональной монополии, где вполне достаточно беглого английского языка? Да, там, вероятно, более востребован культ личного успеха любой ценой, и американское кино оказывается более привлекательным носителем социальной информации, чем русская литература XIX века.

А если задуматься, чему в самом деле учила русская литература двух последних столетий? В двух словах можно сказать: ответственному отношению к собственной жизни и к национальной судьбе, утверждая, что сложится она (жизнь, судьба) так или иначе при личном и непосредственном участии каждого человека. Безответственное отношение к собственной жизни и непонимание национальной судьбы трактовались ею как болезнь, о чем прямо сказал в предисловии к своему роману Лермонтов, указав обществу на симптомы и настаивая на необходимости «горьких лекарств». Культ личного успеха с презрением отверг Чацкий, утверждая свое право служить и гневно отказываясь прислуживаться.

Ныне литература действительно утратила свои важнейшие социально-психологические функции, среди которых формирование национального взгляда на мир, русской манеры чувствовать и думать оказывается первостепенным.

Конечно, чтобы «вычитать» в художественных произведениях алгоритмы национального поведения в обыденных или катастрофических ситуациях, нужно научиться читать. Этому и должны служить школьные уроки по литературе. Увы, они далеко не всегда достигают своей цели. Современный выпускник зачастую выносит из них мысль о некоем абстрактном гуманизме, утверждаемом словесностью, а также размышления о том, что «человеческая жизнь есть высшая ценность». Но если именно ради этой мысли созданы тома русской классики, то как понять размышления Петруши Гринева под виселицей, когда Савельич просит его, сплюнув, «поцеловать злодею ручку»: «Я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению». Значит, для Петруши есть какие-то более значимые ценности,

чем его жизнь: он готов не раздумывая повторить ответ великодушных товарищей своих самозванцу и расстаться с жизнью, как только что это сделали капитан Миронов и другие его соратники по обороне крепости, но не расстаться с честью, которая для героя важнее.

Оглядываясь на опыт XX века, многие писатели и в Советской России, и в эмиграции возложили на русскую литературу вину за исторические потрясения, выпавшие на нашу долю. На Западе эта точка зрения аргументировалась следующим образом: именно литературный образ русского человека, то разломанного и лишённого цельности, как Онегин или Печорин, то бездейственно-созерцательного, как Обломов на своем диване, то необразованного и ленивого, как Митрофанушка, прячущийся за матушкиной юбкой, унизил нас в глазах Европы и представил легкой добычей перед вермахтом, когда разрабатывался план «Барбаросса». Немцы рассчитывали встретить здесь сплошных Обломовых. Русская литература обманула их, внушив ложные представления о русском человеке, и этот обман слишком дорого стоил нам.

Для писателей иного исторического опыта, для познавших репрессии и поднявших лагерную тему полную несостоятельность обнаружил именно гуманистический пафос русской литературы. По мысли Варлама Шаламова, сама гуманистическая литература была скомпрометирована, ибо действительность оказалась не соотносима с ее идеалами: «Крах ее гуманистических идей, историческое преступление, приведшее к сталинским лагерям, к печам Освенцима, доказали, что искусство и литература — нуль. При столкновении с реальной жизнью это — главный мотив, главный вопрос времени». Этот же мотив недоверия классической литературе слышится и у А.И. Солженицына — от полемики с Достоевским, с его «Записками из Мертвого дома», до полемики с Чеховым.

Речь у Шаламова и Солженицына идет о наивном гуманизме, трактующем человека венцом Вселенной и самим смыслом ее существования. При столкновении с реальными противоречиями жизни, тем более с историческими катаклизмами, подобная позиция обнаруживает свою полную несостоятельность, а «та жалкая идеология "человек создан для счастья"», внушенная ли-

тературой, выбивается «первым ударом нарядчика дрына» («Архипелаг ГУЛАГ»).

Думается, что и в том, и в другом случае речь идет о ложной и некорректной интерпретации глубинного идейного пафоса литературы XIX–XX веков. В ней содержались не только идеи о счастье, для которого создан человек, но утверждалась, повторимся, мысль об ответственном отношении человека к миру. Об ответственности личности за собственную честь, которая воистину дороже счастья и жизни, и национальную судьбу, за которую и жизнь положить не жалко. И тут мы можем вспомнить не только бездеятельных Обломова с Онегиным, но и героев совсем другого склада: Чацкого, Петрушу Гриневу, Татьяну Ларину, князя Андрея, Николая Ростова, лесковских Левшу и атамана Платова, целую галерею образов праведников, созданных этим писателем в одноименном цикле.

Функцией литературы в условиях литературоцентризма русской культуры являлось формирование национально значимых образов культурных героев, с которыми и по сей день самоидентифицируется любой грамотный человек. Они «обживают» историю, делают ее понятной, близкой и «домашней», создают алгоритмы поведения в разнообразных жизненных ситуациях, формируют систему бытовых и онтологических ценностей. Образы литературных героев, перешедших с книжных страниц в национальное сознательное и бессознательное, ставших национально значимыми архетипами, категориями национального сознания, которыми мыслил русский человек еще совсем недавно, сформированы литературой предшествующих столетий.

Конечно, русской литературе XX века история неизбежно предъявит свой счет. Слишком уж многие важнейшие аспекты национальной жизни оказались не запечатлены отечественными художниками слова — ни в метрополии, ни в эмиграции, ни в потаенной литературе. А стало быть, следуя русской традиции, остались (хочется надеяться, до времени) не осмыслены национально-историческим сознанием людей, живущих уже в начале XXI века. Не преломленные художественно, они будто не отражены в национальной памяти. Таковы Кронштадтское восстание гарнизона города и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота против власти большевиков, восстание

крестьянской армии атамана Антонова на Тамбовщине и его подавление Красной армией под командованием Тухачевского (лишь два рассказа Солженицына 1990-х годов), голод на Юге России в начале 1930-х годов (лишь рассказы Тендрякова), гонение на Церковь и уничтожение священства. Да и участие России в Первой мировой войне не нашло бы адекватного масштабу этого события отражения в литературе, если бы не «Август Четырнадцатого» и последующие узлы «Красного Колеса» Солженицына.

Так уж сложилось в последние две-три сотни лет, что всякий русский постигал исторические судьбы своей страны, обретал национальную принадлежность, впитывал культурные гены своей нации из литературы. Через литературу приобщался к образу мыслей и ощущению бытия давно ушедших поколений, обретал с ними кровную и глубоко личную связь. В этом и состояло то, что мы привычно называем литературоцентризмом русской культуры. И это качество мы утратили.

Без малого четыре десятилетия назад произошла вспышка воистину всеобщего интереса к литературе. То был конец 1980-х — начало 1990-х годов, когда тиражи «толстых» журналов взлетели на невероятную высоту, а публикация любого «задержанного» произведения, будь то «Собачье сердце» Михаила Булгакова или же «Новое назначение» Александра Бека, вызывала всеобщий и самый искренний интерес. Литература восстанавливала народную историческую память, будто вклеивала вырванные и растерзанные страницы в книгу национального исторического бытия. Тогда и представить было невозможно, что миллионные тиражи года через два упадут так, что не будут набирать и тысячи экземпляров.

Литература перестает быть для современного поколения сферой национального самосознания, национальной саморефлексии и утрачивает важнейшую свою функцию — ориентировать человека в историческом пространстве, определять его бытийные ориентиры. Она превратилась в форму занимательного и необязательного досуга, чтение перестало быть престижным занятием. В результате книжный рынок заполнился продуктом совершенно иного рода, предлагающим в качестве культурного героя современности Дашу Васильеву, доморощенного детектива из сериала Донцовой.

В результате утраты литературой присущего ей на протяжении трех последних столетий высокого статуса в русской культуре, традиционно литературоцентричной, возник ощутимый вакуум, заполнить который пока нечем.

Можно ли связывать подобную ситуацию бытийного вакуума с утратой культурного литературоцентризма? Думается, что да. Утрата литературой своего традиционного статуса и потеря прежних функций не могла оказаться безболезненной. И здесь мы с неизбежностью говорим о роли государства в поддержке художественного слова (или же в полном небрежении им) в его воздействии на современника. Чем русские писатели так уж не угодили российским политикам нынешнего поколения?

Думается, своей антибуржуазностью. Неприятием ценностей «успешности», благополучия, стяжательства, которые открыто декларируются сегодня. На съезде учителей русского языка и литературы, который регулярно проводится в МГУ, выступал некий чиновник московского правительства. Кто он и как его звать, не имеет никакого значения. Появившись на трибуне с нотбуком, он говорил об успешности как высшей цели школьного образования: воспитать успешного ученика, поощрить успешного учителя. Заверив аудиторию, что всегда готов к диалогу, он удалился сразу же после своей успешной речи. Настолько успешной, что учителя и делегаты съезда, не выдержав, начали аплодировать прямо в середине его размышлений, не давая говорить. Следующий выступающий бросил вслед убегающему чиновнику вопрос: а с неуспешными-то что делать? В расход их, что ли? И где критерий успешности? Имеет ли он лишь финансовое выражение?

Очевидно, что на смену традиционным ценностям взаимной поддержки, основанным на укорененной в национальном сознании идеологии общинности, идее соборности, чувстве коллективизма, приходит ориентация на личный успех, достигнутый любой ценой, в том числе и за счет ближнего, который может оказаться неуспешным. На смену взаимной поддержке приходит конкуренция.

Такая жизненная стратегия, воистину дарвиновская, когда побеждает сильнейший и правит бал естественный отбор, навязывается нам сегодня. Подобного рода ценностные ориентиры,

«буржуазные», как их презрительно называли представители Серебряного века, насаждаются теперь насильственно, как картошка при Екатерине.

Их всегда и безоговорочно отвергала русская литература. От них с отвращением отвернулся Достоевский, заставив Лужина излагать свои теории «целых кафтанов и бедных жен». Образ успешного носителя буржуазных ценностей создал Иван Бунин в рассказе «Господин из Сан-Франциско», главная идея которого состоит в том, что только столкновение с подлинным, со смертью, открывает всю бессмысленность успешности и тщету жизни, подчиненной буржуазным ценностям. И это поистине онтологический тупик буржуазной цивилизации. Именно своей антибуржуазностью русская литература не вписывается в современные реформы образования.

Оглянемся на советские годы. Прошли те времена, когда мы бранили соцреализм, советскую власть, искоренение инакомыслия в литературе. Негативное воздействие на словесность того процесса, который в современном литературоведении получил название «огосударствление» литературы, хорошо известно. Его жертвой пали и отдельные писатели, и целые литературные направления (новокрестьянская литература, представленная Сергеем Есениным, Павлом Васильевым, Николаем Клюевым, Алексеем Ганиным, или же абсурдизм обэриутов Даниила Хармса, Константина Вагинова, Александра Введенского). Но не только лишь к уничтожению писателей и литературных направлений сводилось внимание государства к литературе. Первый съезд советских писателей (1934 год) ознаменовал принципиально новый характер отношений литературы и власти, когда словесность становится государственным делом, а писательский труд — востребованным и общественно значимым. Создается Союз писателей, формируется (впервые в мировой истории) Литературный институт, готовящий профессиональных литераторов, организован академический Институт мировой литературы имени Максима Горького. И все эти события становятся объектом колоссального общественного внимания, воспринимаются людьми 1930-х годов так же остро и с той же гордостью, как перелет в США через Северный полюс и эпопея спасения челюскинцев.

Иногда, правда, приходится слышать следующее: массовое открытие литературных изданий, поддержка Литинститута и Союза писателей не могли осуществляться вне гонений на писателей и литературные течения, которые не соответствовали официальной идеологии. Мы полагаем, что это не так. В данном случае речь идет о разнонаправленных и даже противоречивых векторах советской системы и советской политики, которая несла в себе как глубочайший гуманизм и любовь к человеку (примеры известны, среди них — ликвидация беспризорности, сплошная грамотность, отсутствие бездомных, поголовное среднее образование, всеобщий доступ к медицинскому обслуживанию и многое другое), так и людоедство ГУЛАГа и всего, что с ним было связано. Один вектор почти не пересекался с другим, они будто существовали в разных измерениях, поэтому об одной эпохе написаны и «Василий Теркин» Александра Твардовского, и пронзительная повесть Константина Воробьева «Это мы, Господи!». А позитивная роль, которую литература играла в советские годы, была обусловлена именно государственным вниманием и поддержкой.

Именно в результате государственного влияния и поддержки возникло явление, которое получило название социалистического реализма. Не понятное в советское время (из-за неизбежной идеологизации любого его филологического исследования), осмеянное в постсоветское, сейчас оно все более привлекает внимание исследователей. Постепенно становится ясно, что социалистический реализм удовлетворял очень важную общественную потребность. Когда революцией были уничтожены прежние социальные институты, общественные связи нарушены, мораль, основанная на общечеловеческих принципах, объявлялась буржуазной, религия трактовалась как опиум для народа, а Церковь подвергалась невиданным гонениям, общество нуждалось в слове, способном организовать распадающийся мир, лишившийся прежних связей и структур и не обретший новых. Литература могла сказать такое слово и говорила его. Именно социалистический реализм стал тем литературным направлением, которое сумело показать человеку, выбитому из прежних социальных ячеек, его место в становящемся мире. Литература объясняла читателю новый мир, творящийся на его глазах, структурировала его, указывала личности место в новых

социальных структурах, формировала представления о частных, социальных, исторических задачах, указывала место в мироздании. Это было органичное, идущее изнутри литературы стремление. Литература брала на себя функцию организации общества, лишённого бытийных, онтологических, религиозных ориентиров и исконных нравственных ценностей. Иными словами, литература структурировала пореволюционный ХАОС, превращала его в новый послереволюционный КОСМОС, придавала ему черты гармонии и высшей разумности, вписывая в него читателя, объясняя последнему, в чем состоят результаты грандиозной исторической ломки, пережитой в прошлом десятилетии.

Утратив прежнюю мифологию, общество нуждалось в новых мифах, способных представить революцию как эпоху первотворения, результатом которой является современное мироздание. И литература ответила на эту общественную потребность, создала художественную мифологию, которая формировала у читателя картину мира, светлого и преображенного, устремленного к несомненным и очевидным историческим перспективам. Советская мифология, созданная литературой социалистического реализма, конструировала категории мышления строителя прекрасного коммунистического завтра.

Литература рождала миф о Революции как о грандиозном историческом преобразении космических масштабов, приведшем к сотворению Нового Мира. Основные константы этого мифа оформились в исторической эпопее Алексея Толстого «Петр Первый», в его повести «Аэлита», в эпопее «Хожение по мукам», в романе Николая Островского «Как закалялась сталь», в колхозном эпосе Михаила Шолохова «Поднятая целина».

Рядом с этим мифом и одновременно с ним творился миф о Новом Человеке, герое-демиурге. Его воплощением стал Левинсон («Разгром» Александра Фадеева), Павел Корчагин («Как закалялась сталь» Николая Островского), Курилов («Дорога на Океан» Леонида Леонова). Чертами такого героя становятся аскетизм, отсутствие личной жизни (любовь сознательно принесена в жертву революции), железная воля, способность к строгому рациональному мышлению, сильный дух, властвующий над физически слабым и изможденным телом. С названными чертами нового человека ассоциируется христианский мотив

укрощения плоти (потерянное в борьбе здоровье), жертвенность и восхождение.

В той мифологической модели нового мира, которая создавалась литературой социалистического реализма, даже пространство и время обретали особые качества. Время, история могли выступать как косное начало, требующее ускорения ценой невероятных волевых усилий героя-демиурга и его сподвижников, способных схватить Фортуны за волосы и повернуть к себе лицом, рвануть колесо истории и заставить его крутиться быстрее («Петр Первый» А. Толстого). Миф о победе над временем создают В. Катаев («Время, вперед!»), И. Эренбург («День второй»).

Советская мифология преобразовывала и переосмысляла христианские и языческие образы, мотивы, сюжеты, перетолковывая их в соответствии со своими нуждами. Наиболее очевидно подобное переосмысление в романе «Молодая гвардия» А. Фадеева. Он буквально впитывает в себя канонические христианские представления (и этот аспект художественного мира романа не был затронут в ходе переработки, когда создавалась вторая редакция). Молодогвардейцы ощущают себя почти так же, как первые христиане, их конспиративные встречи выглядят как катакомбные собрания, свою миссию они видят в проповеди Правды, в донесении Благой Вести до сограждан через листовки, переписанные от руки, размноженные сводки Совинформбюро; радиоречи Сталина передают друг другу и ближним как слова апостольской проповеди; флаги, вывешенные на 7 ноября, напоминают церковные хоругви. Конфликт и его разрешение вписываются в рамки той же традиции: участвуя в битве с силами тьмы и inferнального зла, молодогвардейцы одерживают безусловную нравственную победу и обретают вечную жизнь через жертвенную смерть.

Задача формирования советской идеомифологической системы ставилась перед новой литературой: она должна была «воспитать нового человека». В определении, данном социалистическому реализму в 1934 году, говорилось о важнейшей «задаче идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма». Именно эта литература, создавая новую мифологию, ориентировала человека в историческом пространстве XX века, воспитывала его, формировала высокие духовные иде-